

различия со столичной практикой, автор приводит литературные источники, свидетельствующие о возможном существовании нескольких алтарей в константинопольских церквях.

Главной особенностью наоса в Каппадокии, отмечаемой во второй главе (с. 79–128), является размещение в нем ниши жертвенника (в северо-восточной части), что вызвано отсутствием отдельного помещения жертвенника. Это определяет многие функции наоса, местоположение духовенства, направление внимания всех верующих во время службы, особенности росписи. Другая отличительная черта – наличие бассейна, что указывает на обязательный ритуал омовения рук и лица перед молитвой.

В третьей главе (с. 129–164) исследование архитектурных типов, внутренней организации и обрамлений портика и нартекса открывает множество функций этих помещений: утилитарные и эстетические – спрятанная в скалах церковь могла быть различима только по входу, портик мог укрыть от ветра и непогоды; посвяtitельная и литургические – в нартексе проходили определенные ежедневные ритуалы, он служил местом погребений. Нартексы редко встречаются в ранних церквях Каппадокии и характерны в основном для постиконоборческого периода. Основными отличиями от константинопольских церквей является взаимозаменяемость нартекса и портика, многообразие их типов, возможность их расположения не только с западной стороны. Функциональные аспекты нартекса – общие с церквями других регионов. Важность оформления входного пространства определялась также тем, что он был местом молитвенного сосредоточения перед входом в церковь.

Присутствие погребений во входных компартиментах, наосах, капеллах оказывало

влияние не только на архитектурную форму, но на литургическое функционирование этих помещений. Поэтому целая глава посвящена этой проблеме (с. 165–182). Появление захоронений указывает на совершение соответствующих поминальных служб. Их большое разнообразие, согласно автору, вызвано особенностями пещерного расположения, а популярность погребальных капелл, (параклесиев) определялась их возрастающим литургическим значением.

При исследовании социальных, экономических и географических аспектов основания каппадокийских церквей и монастырей (с. 183–224) Н.Б. Тетерятникова очерчивает круг донаторов, среди которых были монахи, миряне, женщины; приводит конкретные цифры их участия по векам; определяет их имущественное положение; соотносит топографию расположения церквей с близостью к городским центрам.

Книга Н.Б. Тетерятниковой ярко и полно описывает своеобразие многих аспектов культуры Каппадокии. Ее выводы выходят за рамки только этого региона. Возможность существования отдельного святилища в каждой апсиде (концепции “апсидасвятилище”), отсутствие помещений жертвенника и диаконника, расположение ниши жертвенника непосредственно в наосе, частный выбор мест для погребений изменяют многие представления об организации службы в храме, ее порядке, о включении верующих в ее ход, иерархии размещения людей в храме, трактовки сюжетов росписи. Все эти особенности носят не только локальный характер, они имеют параллели в искусстве Сирии, раннехристианской Армении, Грузии и позволяют иначе трактовать сходные проблемы в столичном искусстве.

Н.В. Герасименко

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, D.C. 1995 (Dumbarton Oaks Studies, 33). XVIII + 405 p. Maps Tables.

Время трех императоров – Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимисхия (969–976), Василия II Болгаробойцы (976–1025) – с легкой руки Гюстава Шлюмберже принято называть “византийской эпопеей”. То был период наивысших военно-политических успехов Византии, когда империя вернула себе от арабов Крит, Кипр, Киликию, ряд территорий в Сирии и Палестине, отразила балканскую экспансию киевского князя Святослава, разгромила и затем подчинила Первое

Болгарское царство. Эпоха наивысшего расцвета военной мощи совпала с эпохой такого же расцвета военной литературы. Роль последней, однако, оценивается в историографии по-разному. Г. Дельбрюк в известной “Истории военного искусства” объяснял достижения Византии в X–XI вв. чем угодно: стабилизацией финансов, выгодным положением Константинополя, слабостью противников – только не эффективностью военной системы, тем более – не влиянием военной

науки, о которой он отзывался, как о “лишенной всякого основания фантазии и теории”¹. Последующие конкретные исследования не подтвердили столь суровый вердикт. Византийские трактаты по военному искусству ныне широко используются в качестве полноценных исторических источников. Знаменем времени явился выход в свет в последние два десятилетия новых научных изданий текстов и их переводов². Исследование Эрика Макгира укладывается именно в эту, основанную на уважительном отношении к источнику, тенденцию современного византиноведения.

Рецензируемая книга посвящена “теории и практике византийского военного дела в эпоху трех солдат-императоров” (с. VII). Объемистый том в 400 страниц состоит из 2-х частей. В первой представлены оригинал, параллельный английский перевод и комментарии к тексту двух трактатов – Праесерта *militaria* (PM), известного в русскоязычной литературе как “Стратегика императора Никифора” (ок. 965 г.), и расширенной его версии, изложенной в гл. 56–65 “Тактики Никифора Урана” (ок. 1000 г.). Вторая часть “Исторический комментарий” состоит из пяти глав: 1. Никифор Фока и Праесерта *militaria* (рассматриваются проблемы авторства PM, вклад Никифора Фоки в военную теорию, роль военной литературы в профессиональной подготовке); 2. Византийская экспедиционная армия (ее организация, основные рода войск в X в.); 3. Потомки Агари (характеристика арабских противников Византии – Хамданидов и Фатимидов); 4. Сеять драконьи зубы: византийская армия в бою (боевые порядки, тактика пехоты и конницы); 5. Армия в походных условиях (на марше и в лагере). В Приложении приведены два документа (в переводе) об условиях пребывания военнопленных в Византии: 1) короткий отрывок о крещенных сарацинах из трактата Константина VII Порфирогенита “О церемониях” и 2) новелла Иоанна Цимисхия о ком-

пенсации хозяевам за рабов, взятых на войну. Книгу заключают глоссарий английских, индекс греческих технических терминов и общий индекс. Схемы, диаграммы, иллюстрации с миниатюрами из византийских хроник сопровождают основной текст.

Исследование текста трактатов сопровождается анализом исторических реалий, известных из параллельных источников, что в принципе позволяет избежать крайностей как чисто филологического, так и сугубо исторического подходов. Замысел автора в целом удался, хотя не обошлось без некоторых накладок. В частности, примечания к тексту обоих трактатов (они вынесены в особые разделы) из первой части порой дублируют исторический комментарий второй части; читатель испытывает затруднения в поисках исторического комментария к конкретному месту того или иного трактата, поскольку отсутствуют указатели и перекрестные ссылки. Проблемы почти неизбежны ввиду естественных трудностей, возникающих при распределении материала; решаются они разными авторами и изданиями неодинаково. В изданиях отечественных – серии “Свод древнейших источников по истории Восточной Европы” (с 1977 г.)³, “Свод древнейших письменных свидетельств о славянах” (Т. I–II. М., 1991; 1995) – принято объединять исторический комментарий с филологическим, используя систему сносок для связи с основным текстом; историко-филологический комментарий, однако, при этом дробится на отдельные фрагменты. Оба варианта имеют плюсы и минусы выбор в значительной степени остается делом вкуса.

“Стратегика” в отдельных главах до того издавалась однажды Ю.А. Кулаковским (1908 г.)⁴. Единственная рукопись XIV в. – Синопольная греческая № 436/298 – ныне хранится в Москве в Государственном Историческом музее, подробные ее описания сделаны Б.Л. Фонкичем и Г.Г. Литавриным в связи с изучением находящегося в том же кодексе

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. Средневековье. СПб., 1996. С. 124.

² Dennis G.T. (ed.) *Das Strategikon des Maurikios*. Wien, 1981 (CFHB 17); Maurice's *Strategikon*. Handbook of Byzantine Military Strategy / Transl. G.T. Dennis. Philadelphia, 1984; Dennis G.T. (ed., tr.). *Three Byzantine Military Treatises*. Washington, 1985 (CFHB 25); *Dagron G., Mihaescu H. Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)*. P., 1986 и др.

³ Выпуски византийской части Свода: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феодана, “Бревнарий” Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980; *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Ред. и комм. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989; 2-е изд. М., 1991; *Бибиков М.В.* Византийские исторические сочинения: византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.

⁴ Кулаковский Ю.А. Стратегика императора Никифора. *Nicéphori praescepta militaria ex codice Mosquensi* ed. Kulakovskij // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. VIII. № 9. С. 1–59.

трактата Кекавмена⁵. Из-за ремонта ГИМА сама рукопись оказалась недоступной и Макгиру пришлось довольствоваться микрофильмом, предоставленном Национальной библиотекой в Париже. Хотя первое издание считается вполне добротным, за прошедшее время накопилось немало нового сопоставительного материала. Особенно значимы в этом плане “Тактика Никифора Урана” и *Sylloge tasticorum* (“Неизданная тактика Льва”), неизвестные Кулаковскому и использованные Макгиром. Новое издание дает более точный текст РМ; впрочем, расхождения с вариантом Кулаковского не столь велики, чтобы полностью от него отказываться.

“Тактика” Никифора Урана (ТНО) задает более сложные проблемы. Огромный трактат из 178 глав разбросан по разным рукописям (три основные) и до сих пор не опубликован целиком. Макгир издал главы с 56 по 65-ю, причем главы 56–62 публикуются впервые (*editio princeps*). Указанные десять глав представляют переложение трактата РМ, дополненное разделами по тактике набегов (гл. 63), боевым действиям в походных условиях (64) и осадного дела (65). Издание основано на рукописи второй половины XIV в. *Mopacensis graecus 452* (Мюнхен), содержащей все десять глав; для 65-й главы дополнительно использована рукопись *Oxoniensis Barocianus 131* (Оксфорд). Оценка произведения Макгиром отличается от привычной. Так, если В.В. Кучма рассматривает “Тактику Никифора Урана” как “крайне несамостоятельную”, “образец компиляции практически в чистом виде, в которой попытка обнаружения собственных мыслей автора встречает неодолимые препятствия”⁶, то Макгир считает, что трактат представляет значительный интерес именно в силу личных качеств ее автора – видного военачальника Василия II, командующего войсками в Северной Сирии. По мнению Макгира, в ТНО нашел отражение переход от политики завоеваний в регионе к политике закрепления территории, имевший место после заключения мира с халифом ал-Хакимом (1001 г.) из династии Фатимидов. Тем самым подчеркивается значимость трактата не только в качестве “достоверного парафраза РМ”, но также как “важного источника по византийской военной истории конца X века” (с. 81).

Перевод – по первому впечатлению – вы-

полнен качественно, без явных ошибок и опечаток. Отмечу следующую его особенность: технические термины не переводятся, а транслитерируются (т.е. “хилиархия”, а не тысяча; “декарх”, а не десятник; “катафракты”, а не панцирники и т.д.), объяснение же терминов дается в специальном индексе – в конце книги.

Во второй, исторической части, доминируют две темы. Первая – проблема авторства РМ. Макгир однозначно решает ее в пользу императора Никифора Фоки на основе сообщения Никифора Урана и анализа содержания самого трактата. Кроме того, императору принадлежит заслуга составления другого трактата, “*De velitatione*”, который был окончательно обработан одним из его офицеров. Вторая большая тема, рассмотренная в нескольких главах – военное дело X в.: византийская армия, ее организация, структура, стратегия и тактика, ее противники на Востоке (арабы) и отчасти на Балканах (Русь). Макгир искусно сопоставляет данные военных трактатов и византийских исторических сочинений, особенно Льва Диякона и Скилицы, добываясь доказательности основного своего тезиса – о реалистичности РМ, об отражении в трактате современной ему военной практики. Выводы Макгира интересны и по большей части убедительны; погружаться в детали не время и не место.

Тем не менее есть одно обстоятельство, которое я склонен рассматривать как методическое упущение. Успешно решив главную задачу, Макгир оставил в тени сравнительно (для данного случая) малозначительную. Речь вот о чем. Реальный мир – это не только окружающая нас действительность, то и наши представления о нем. Менталитет авторов и читателей военных трактатов – тоже реальность, которая включает в себя особым образом осмысленный опыт прошлого. В произведении, где встречаются термины и понятия античного времени, – фаланги, таксиархии, конгубернии, тагмы – современность соседствует с многовековой традицией. Если подходить к книге со специальной целью отыскать в ней сколько-нибудь существенный изъян, то он, на мой взгляд, заключается в недостаточном внимании к античному наследию. Казалось бы, какие могут быть претензии к тому, кто поставил перед собой совсем другую задачу? Но в том-то и дело,

⁵ Фонкич Б.Л. О рукописи “Стратегикона” Кекавмена // ВВ. 1971. Т. 31. С. 108–120; Литаврин Г.Г. Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972. С. 11–35.

⁶ Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 61.

что без учета традиции легко преувеличить оригинальность византийских “Тактик”, степень соответствия их описаний реальной картине военного дела.

Как пример могу привести тему катафрактов — тяжелой кавалерии, возрожденной Никифором Фокой, в освещении которой встречаются досадные неточности. Первые подразделения катафрактариев появились у римлян не в третьем (с. 211, 214), а во втором веке нашей эры⁷ и под влиянием не персов, а сарматов. Сравнение кавалерийского клина с журавлиным (с. 288) отсутствует у Арриана, но есть у Асклепиодота (Tact. 7.3). Меня не убедила трактовка тактики катафрактов X в. Для Макгира их “треугольное” (название из PM, на деле трапещевидное) построение являет аналог “скифскому” клину Арриана (Tact. 16.6). Тот и другой строй предназначались для нанесения таранного удара по противнику. Если так, напрашивается сравнение по типу наступательного оружия. Всадники Арриана почти наверняка имели длинные копья наподобие македонской сариссы⁸. В схеме кавалерийского клина-трапедии катафрактов, реконструируемой Макгиром (с. 287), первые пять шеренг состоят из булавоносцев. Почему не копьеносцы (kontaravtoi)? Как объяснить разницу в вооружении? Можно ли считать описание вооружения катафрактов (PM III. 60–65) вполне

ясным, или оно оставляет простор для сомнений? Макгир обходит эти вопросы. Обращение к историческому материалу мало помогает делу. Макгир (с. 313) приводит одно место из Льва Диакона (144.23–145.3), где Феодор Лалакон действует булавой в гуще врагов. Но из текста Льва никак нельзя заключить, что Феодор начинал бой в первых шеренгах клина, скорее следует предполагать ситуацию общей схватки, когда ряды воинов перемешались. Зато странным образом Макгир проходит мимо гораздо более явных случаев, приводимых им же, но по другому поводу (с. 314–315; 316), случаев, когда в голове строя катафрактов располагались копьеносцы с длинными копьями (Leo Diac. 59.2–22; 133.22–134.7; 140.10–13, 22–23; 143.15–24). Похоже, что автор оказался в плену некой *idée fixe*, выискивая в источниках только те факты, которые подтверждают правоту слов императора-солдата.

Сильные стороны книги видны невооруженным глазом, слабости приходится рассматривать под лупой. Замечания, высказанные здесь, не должны поколебать общего впечатления от прекрасной работы, которая сослужит добрую службу всем, занимающимся изучением греческой военной литературы — от античности до позднего средневековья.

С.М. Перевалов

Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М.: “Языки русской культуры”, 1998. 574 с.

Никон Черногорец, плодовитый писатель конца XI–XII в. и человек интересной судьбы, в значительной степени обойден вниманием византинистов. Подавляющая часть его сочинений еще не издана, в том числе и “Пандекты” — обширная компиляция канонического права, организованная по тематическому принципу. Именно это делает публикацию К.А. Максимовича, предназначенную главным образом специалистам по истории русского языка, столь важной для византиноведения.

Автор издает юридическую часть древнерусского перевода “Пандектов”, осуществленного в XII в. (до сих пор публиковался лишь второй, южнославянский перевод XIV в.), по одиннадцати рукописям, древнейшая из которых относится к XIII в. Но одновременно он приводит соответствующие эксерпты из греческого оригинала памятника, публикуемые

(параллельно славянскому тексту, *sub linea*) впервые, причем критически: за основу взята рукопись Великой Лавры (В 108, XII в.), обозначаемая литерой L, а разночтения подводятся по кодексам Парижской национальной библиотеки (Coisl. gr. 37, XIII в., сигл С и Paris. gr. 876, XIII в., сигл Р — последняя привлекалась лишь в случаях лакуны). Насколько можно судить после беглого сравнения двух версий, перевод был сделан с рукописи, весьма близко родственной L (иногда глоссы с полей этого кодекса попадают в славянский текст, с. 188.10–11; 410.11–411.1, впрочем, иные глоссы были в общем прототипе L и С, ср. с. 418.1). Однако в большом числе мест славянский текст соответствует именно варианту рукописи С (см., например, с. 9.8; 27.1–2; 32.2–3; 47.5; 48.6; 68.2–3; 70.4–5; 84.6; 142.9–10; 207.1–2; 252.3–4; 385.10–11; 406.7–8; 409.6; 413.5; 460.1

⁷ Ю.А. Кулаковский (Указ. соч. С. 39) совершенно правильно отнес появление катафрактариев в римской армии ко времени правления Адриана (117–138).

⁸ *Markle III. Minor M. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armour // AJA. 1977. 81. № 3. P. 339.*